

НИ ПУХА, НИ ПЕРА, ФАНАТИКИ ТЕАТРА!

Откинутое покрывало обнажает фигурные ножки рояля, ослепительный ряд черно-белых клавиш. Розовая рябь тяжелых оконных гардин. Пять стульев. Сидят девчонки с косичками, с высокими прическами, в школьных фартуках, лавсановых кофточках. Разные-разные... Одинаков взгляд. Настороженно-любопытный, чуточку ожидающий, направленный к столу, у дальней стены. Там — комиссия. Знакомые лица, те, кого часто видишь на тюзовской сцене. Ольга Алексеевна Решетниченко, Анатолий Степанович Тарасов, Михаил Львович Лившиц. Перед ними — кипа листов с паспортными фотокарточками. Заявления. Такие же непохожие, как те, что сидят напротив. Откровенные желания: «Убедительно прошу принять меня в вашу актёрскую студию». Есть поскромнее, выдержанней. Впрочем, и такая осторожность дается нелегко.

На ковровой дорожке белые туфли-шпильки с крохотными бантиками. Салатного цвета костюм, беленькая тоненькая наемочка воротника. Плечи в легком пухе волос. Галя Буянова, десятиклассница из Каргалинки.

— Я прочту отрывок из морских рассказов Станюковича. Нужно астать на середину комнаты, нужно сосредоточиться, нужно поменьше волноваться. Это советуют сидящие за столом.

— Помните, здесь сидят ваши доброжелатели.

Легкий скрип третьего стула, ожидающая тишина. Галя начинает...

В коридоре ее голос слышен отчетливо. Он проходит через белую полоску воздуха. Ожидающие вызова тянутся к приоткрытой двери.

Прерывистый шепот:

— Хорошо читает. Басню начала. Ну, эта пройдет!

Носа не видно. Он уткнулся в старую пустую вешалку. На затылке вздрогнул пушистый хвостик. Всхлипывание. Слезы. Впрочем, их нет. Всего лишь одна тяжелая горячая капля неохотно ползет по щеке.

— Томуся, милая, не плачь! Ну, я тебя очень прошу! Все хорошо, вот увидишь. Ведь ты им понравилась! Честное слово!

— Ну, что ты меня уговариваешь? Все ясно: не прошла. Они даже этюда не дали!

Новое волнение:

— Девочки, девочки! А трудные этюды?

— А я ни одной басни не знаю. Как быть?

— Девчонки! А как унять дрожь в коленках?

В дверях строгое лицо Галины Юрьевны Рутковской, заведующей учебной частью студии.

— Товарищи, тише! Мешаете!

Бросаюсь к ней. Прошу уделить «две минуты».

— В нашем театре юного зрителя проходят приемные испытания в актерскую студию на общественных началах. Будем готовить актеров для драматических театров Казахстана. Курс обучения рассчитан на два года. Преподавать будут режиссеры, ведущие актеры. Примем 25 юношей и девушек. На каждое место подано по восемь заявлений. Учащиеся старших классов, рабочие, служащие. Сегодня проходит первый тур. В шести приемных группах просмотр ведут режиссеры Мен Дон Ук, В. Л. Шкляр, Т. Е. Сидоров, директор театра, директор студии Г. А. Джанысбаева; заслуженная артистка республики О. А. Решетниченко, актеры Г. И. Тхоржевская, Е. С. Голосков, А. С. Тарасов, Б. М. Конухов, А. А. Пашков.

«Неопределенных» слушают подольше. «Безнадежных» и «интересных» долго не держат. С этими легче.

Люда Одинцова трижды услышала «достаточно!». Мнение членов комиссии единодушно: отлично. В особом восторге М. Л. Лившиц, зав. музчастью театра.

— Очень музыкальна! Какой голос!

Сыгран этюд, остается последнее — собеседование.

— А я уже с четырех лет мечтала стать артисткой. Да, да! Вы улыбаетесь? Просто у меня папа актер. 3 ноября исполнится 16 лет. Опять улыбаетесь. Мне, а не папе!... Неужели это мало? Живу в геологострое. Конечно, далековато... Но разве в этом дело? Кого хотела бы играть? Знаете, таких простых деревенских девчонок или героинь старых романов...

...В этом потоке народ посolidней. Трудящиеся. Валя Болдырева — рабочая обувной фабрики, Виталий Мартыненко — связист, Тимур Сулейменов — техник-архитектор. Сдержанней восторги, любопытство. Во всяком случае — внешне.

«Павшим вечная слава,
вечная слава!»

Застыли члены комиссии. Слушают. «Реквием» Р. Рождественского читает Лариса Соколова. Умолк шепот за дверями. Там тоже слушают, оттуда доносится вздох восхищения, когда Лариса неожиданно умолкает. Кажется, никаких претензий быть не может. Молодец!

Александр Александрович Пашков думает несколько иначе.

— Понимаете, Лариса, я вам глубоко верю, верю в ваши чувства, вижу, как вам тяжело от горя матери, провожающей сына на битву, вижу, как гнетут вас черные плиты надгробий. Но заставьте и меня понять, проникнуться такой же жгучей ненавистью к войне, заставьте и нас страдать вместе с убитой горем матерью. Вы понимаете, о чем я говорю? На второй тур вы, конечно, проходите. Но, прошу вас, учтите наши замечания, поработайте еще. Желаем успеха.

Я прохожу мимо окон театра. В вечерних стеклах второго этажа черные силуэты. Их много. Первый тур продолжается.

Ни пуха, ни пера, фанатики театра!

В. ШИН.